

Я крепко зажмурил глаза, прижимая шлем к глинистой стене окопа, и изо всех сил сжал кулаки так, что ногти глубоко впились в ладони.

Оперевшись правой рукой о грязь у самого края траншеи и высоко приподняв тело, я почувствовал, как моя давно уже остывшая кровь вновь вспыхнула от огненного шара.

Танк Цзян Е стремительно скатился по склону и помчался прямо на нас. Стоявшие перед нами враги с криками разворачивали орудия, готовясь открыть огонь. Вскоре вражеская боевая машина пехоты выпустила ракету «Тоу», которая, оставляя за собой длинный шлейф пламени, устремилась к танку тип 59, которым управлял Цзян Е.

Колёсная бронемашина противника тоже открыла стрельбу, но поскольку наш танк двигался на огромной скорости и петлял зигзагами, снаряды никак не могли в него попасть.

Стоило японцам с азартом приняться за обстрел танка, как командир взвода Чжоу, подобравшийся к ним вплотную, перешёл к действиям.

Одна граната точно отправила вражескую пусковую установку к праотцам. Ракета, летевшая на Цзян Е, потеряла управление и, клюнув носом, врезалась в дерево, взметнув столб огня.

Остальные наши затаившиеся солдаты тоже в тот же миг неожиданно подскочили: один боец запрыгнул на японскую колёсную БМП и закинул гранату в открытый верхний люк.

Колёсная машина умолкла.

Остальные бойцы открыли ураганный огонь по вражеской пехоте с близкого расстояния.

Застигнутые врасплох внезапно появившейся сбоку нашей пехотой, враги тут же начали нести тяжелые потери: одни падали замертво, другие были ранены. БМП М2 принялась запускать двигатель, пытаясь удрать с поля боя.

Наш танк на бешеной скорости приближался к японцам.

Вражеская боевая машина пехоты безумно закрутила корпусом, пытаясь скрыться за зданиями, и в спешке раздавила собственного пехотинца, прятавшегося у неё за спиной.

Боевая машина врага на ходу палила по танку из тридцатимиллиметровой автоматической пушки, и несколько снарядов угодили в цель.

Однако эти мелкокалиберные фугасные снаряды не причинили танке тип 59 никакого вреда, лишь выбив сноп искр на его башне. Подъехав к вражеской бронемашине всего на сотню метров, наш танк внезапно остановился, и Ли Вэй высунулся из башни, держа в руках

реактивный гранатомёт.

Слегка прицелившись, майор выпустил реактивную гранату. Рассекая ночной дождь, снаряд быстро настиг японскую боевую машину пехоты.

С грохотом этот тяжёлый реактивный снаряд аккуратно впился в БМП, разворотив ей нос и башню.

Я тяжело выдохнул, и замершее в груди сердце вернулось на место.

Командир взвода Чжоу замахал руками, подзывая Ли Вэя и остальных, а затем несколько солдат подбежали к нам и на закорках оттащили нас поближе к зданиям.

— Быстро уходим, — отдал приказ Ли Вэй.

— Майор, эта колёсная бронемашина ещё на ходу.

После того как два-три бойца помогли вытащить из машины трупы японцев, Цзян Е попробовал завести мотор — та была исправна.

— Тогда живо перегружайте раненых в машину. Я поведу танк впереди и расчищу дорогу, — сказал Ли Вэй.

Все дружно, кто во что горазд, погрузили нас четверых раненых в колёсную бронемашину.

Цзян Лэй оказался рядом со мной — майор помог перетащить его. Он тоже был ранен.

— Чжан Тинъю! Старик Чжан!

Лежавший на боку Цзян Лэй попытался привести его в чувство.

Тело Чжан Тинюя оцепенело и никак не реагировало на шлепки Цзян Лэя.

Я протянул онемевшую руку и прижал пальцы к его сонной артерии.

Пульса не было!

Я снова прильнул к его груди, прислушиваясь.

Сердце тоже остановилось.

В одно мгновение меня будто окунули в ледяную воду, и я безвольно прислонился спиной к борту кузова.

Он мёртв!

В приоткрытой задней двери чернела щель. Прижавшись к ней и обнимая холодное, влажное тело Чжан Тинюя, я молча смотрел в непроглядную ночную тьму. Бедро Цзян Лэя, ледяное и задеревеневшее, прижималось к моему и непрерывно дрожало. Мы уже проезжали по тем местам, что прежде были самым оживлённым городским районом.

Под вражескими бомбежками центр города совершенно изменился до неузнаваемости, кругом виднелись лишь руины и обломки стен.

Улицы некогда процветающего центра были завалены обломками битого кирпича, черепицы, искорёженными оконными рамами и дверями от рухнувших зданий, а стены домов зияли обугленной арматурой и бетоном. Красивейший комплекс вилл у озера вдали давным-давно сравнили с землёй яростные артобстрелы.

Проезжая мимо городской площади, я заметил, что стоявшая там прежде статуя снесена взрывом, а на её месте зияет гигантская воронка от бомбы. Обрывок железной жалюзи трепыхался на ветру, издавая громкий стук о дверной косяк полуразрушенного здания почтамта. Верхнюю часть коммуникационной башни небоскрёба сорвало взрывной волной, и теперь она косо торчала посреди дороги.

На улицах не горело ни единого фонаря, то и дело вдали грохотали вражеские снаряды.

Подразделения, отвечавшие за арьергардные бои в городских условиях, возводили укрепления, и смутные силуэты бой то и дело мелькали в окружающих зданиях.

Весь город погрузился в мёртвую, зловещую тишину, словно вымер.

С неба всё ещё лил дождь, а на дороге то и дело попадались огромные воронки. Чернозёмом от взрывов снарядов было усыпано всё вокруг, а под потоками дождевой воды дороги превращались в непролазную грязь.

Броневики и танки с грохотом и качкой преодолевали преграды на пути, а я вцепился изо всех сил в поручни внутри машины, чтобы меня не выбросило наружу.

— Ещё один город уничтожили, — зло выплюнул сидевший рядом боец, стиснув зубы.

Наша колонна наконец остановилась, и сквозь шум я расслышал торопливые окрики множества людей снаружи.

— Мы на месте, все выходим из машин!

Это был голос майора. Затем дверцу распахнули.

При тусклом свете лампы в туннеле я огляделся по сторонам.

Это был вход в огромный подземный туннель высотой около трёх-четырёх метров и площадью с два баскетбольных поля. Возле входа стояло множество крытых защитной маскировочной сетью грузовиков, джипов и пара санитарных машин с красными крестами. Сам вход со всех сторон прикрывали массивные маскировочные сети, а чуть выше на возвышении торчало несколько зенитных орудий, также укрытых сетями.

Вражеский подавляющий огонь артиллерии не стихал ни на минуту, весь этот узел сбора то и дело сотрясали мощные раскаты взрывов, а маскировочные палатки то тут, то там рвали на куски осколки снарядов и тучи грязи от ударных волн. Никто не знал, докуда именно прорвались передовые вражеские части. У входа в туннель царила крайняя напряжённость, офицеры из последних сил пытались поддерживать порядок.

В углу туннеля было установлено несколько радиостанций, группа солдат поддерживала связь, а рядом застыло несколько суровых офицеров. Множество бойцов суеились, переноса на носилках раненых в машины скорой помощи, а военные врачи и медсёстры в белых халатах торопливо оказывали первую помощь тяжёлым.

В нескольких точках сбора солдаты наспех называли свои номера и имена, а офицеры распределяли их по подразделениям и формировали новые отряды; вся эта толпа казалась изнурённой и спешащей. Какой-то офицер хриплым голосом орал под дождём: Есть среди вас танкисты? Стройтесь у меня! Слышите меня все? Другой неподалёку надрывался: Снайперы! Есть снайперы? Ко мне!

Озабоченные военные машины и санитарные транспорты, доверху забитые солдатами и ранеными, один за другим тяжело трогались с места и уходили в глубь туннеля в направлении гор.

Все передвижения скрывались под маскировочными сетями и сводами туннелей, и тем не менее тыловые службы тщательно маскировали как частоту шума автомобильных моторов, так и инфракрасное излучение выхлопных труб.

Санитары принялись за нас, раненых.

Мою левую руку заново промыли, перевязали и наложили шину. Рану на ноге обработали

после извлечения осколка и тоже забинтовали. Перед тем как положить меня на носилки, врач сделал мне противостолбнячный укол и повесил капельницу с глюкозой, после чего меня погрузили в машину скорой помощи. Всё происходило предельно быстро и слаженно.

Происходящее казалось мне нереальным, мой одурманенный и заторможенный мозг просто отказывался вместить столько перемен.

У меня всё ещё есть шанс выжить?

Я попытался приподнять голову и оглядеться, надеясь отыскать взглядом товарищей, с которыми мы возвращались вместе, но среди суетившейся толпы не было ни единого знакомого лица. Наконец в голове зашумело, боль стала невыносимой, и глаза сами собой закрылись. Сквозь пелену я почувствовал, как рядом со мной укладывают ещё нескольких раненых, дверь захлопнулась, и машина тронулась с места.

Под мерное покачивание я провалился в глубокий сон.

Меня разбудил мощный взрыв, и я вскинул голову, пытаюсь понять, откуда доносится звук.

Вокруг царилась кромешная тьма, ничего не было видно.

Где это я?

Судя по всему, глубокая ночь, и я принялся озираться по сторонам.

Мы находились в огромном туннеле: метров двести в длину и около пятидесяти в ширину, однако потолок был на удивление низким — всего метра два с небольшим, отчего пространство казалось тесным и давящим. В туннеле в ряд стояли несколько сотен больничных коек, а стены освещали десятки армейских аварийных ламп дневного света.

Всё вокруг было заполнено ранеными, отовсюду доносились приглушённые стоны.

Здесь были и гражданские! Около сотни мужчин и женщин разного возраста кучками сидели у коек в дальнем конце госпиталя — судя по всему, родственники раненых.

У входа в туннель с десятков людей шумно и суетливо заносили носилки в реанимацию. Несколько военных врачей в белых халатах быстрым шагом вышли из палат навстречу носилкам.

Почему вокруг столько плачущих? Кто-то умер?

Что за гнетущая атмосфера в этом месте? Прямо предчувствие конца света!

Я уныло посмотрел на зашинурованную левую руку, и настроение упало ниже пружины дивана.

— Доктор! Доктор!

Где-то неподалёку солдат, замотанный с ног до головы бинтами и марлей, вдруг отчаянно зарыдал, и в этом крике смешались ужас и ярость!

Лежавшие вокруг меня бойцы тут же приподнялись, устремив на него полные сочувствия и скорби взгляды.

К нему тут же подбежала медсестра:

— В чём дело? Где болит?

— Мои ноги! Где мои ноги? А-а! Куда они делись?! — закричал боец, срываясь на плач.

Я опустил взгляд на его нижнюю часть туловища.

Обе ноги были ампутированы чуть ниже колен, культы забинтованы, и это зрелище пробирало до дрожи.

— Я же помню, что ноги были на месте! Просто переломы костей от взрыва, их же можно было собрать! А-а! Почему? Почему? Вы просто безответственны! Я подам на вас в военный суд! Я вас под расстрел пушу! — иступленно орал парень.

Медсестра взглянула на номер у изголовья кровати, а затем перелистала журнал в руках и ответила:

— Пациент восемьдесят тысяч восемьдесят седьмой. Множественные открытые переломы обеих ног, разрыв артерий, началась инфекция. Высокая ампутация. Товарищ солдат, иначе было нельзя, без ампутации вы бы умерли.

Взгляд за медицинской маской оставался спокойным, как морская гладь.

Наверное, им приходится выслушивать подобные обвинения ежедневно.

Я машинально, исподтишка провёл рукой по собственным ногам.

Слава богу, обе на месте!

— Зачем? Какая теперь разница между мной и мертвецом?! А-а-а! Зачем вы меня спасли? Зачем?!

Солдат закрыл лицо руками и зашёлся в беспомощном, надрывном плаче, и без того шумный и хаотичный туннель наполнился новой ноткой безысходности.

Окружавшие их медсёстры и бойцы молча опустили головы. Кто-то, растроганный его болью, украдкой утёр слёзы.

Черт побери!

Будучи уверенным, что в жерле позиций 2416 мои нервы закалились до предела, я всем существом противился этому проклятому месту, провонявшему тоской и пропитанному горем.

В этот момент крики разбудили ещё больше бойцов. Люди зашумели, кто-то тоже начал всхлипывать, и плачущих стало только больше. Весь туннель погрузился в полный кавардак, медсёстры и врачи забегали вокруг, пытаясь всех успокоить и объяснить обстановку.

— Надо же, угораздило меня ранение схватить! Иначе и валяться бы здесь не пришлось. Эх!

Я бормотал сам с собой, проглотив слёзы, и злобно, полным ненависти взглядом окинул окрестности.

Делать было нечего, оставалось только лежать и предаваться невесёлым думам. В этот момент мимо меня проходила медсестра, и я торопливо окликнул её.

— Простите, пожалуйста, а где это я?

— Это палатное отделение полевого госпиталя, сейчас мы находимся в горной глуши. Можете не беспокоиться, у врага нет сил прорваться сюда. Ложитесь и отдыхайте, — бросила медсестра, взглянув на карточку у моего изголовья.

Горная глушь — это означало, что мы по-прежнему в кольце окружения.

Я безвольно рухнул обратно на койку и поднял правую руку, чтобы глянуть на часы. Четыре часа утра, шестое число!

— Шестое! Я проспал двое суток?! — ошарашенно уставился я на циферблат.

Двое суток беспробудного сна — вот это выдался бой. Я и впрямь выбился из сил!

Уснуть больше не получалось: в голове вихрем проносились кадры недавних ожесточенных боев.

А то, что доверили мне товарищи, всё ещё при мне?

Пошарив в кармане соседней одежды, я нащупал вещи, оставленные Буи. Черт, вещи майора пропали.

В кармане от Буи лежала солдатская жестяная бирка и сложенный конверт с написанным на нём домашним адресом. Конверт был открыт, и внутри вроде бы лежало не письмо. Я вытащил содержимое — это оказался лист бумаги с отпечатками ладоней. Причём отпечатки явно не принадлежали Буи, они были слишком маленькими, точь-в-точь девичьи. Прижимая к груди окровавленный карман и прислонившись к спинке больничной койки, я незаметно для себя снова заснул.

Очнулся я уже в полдень. Почувствовав страшный голод и жажду, я принялся шарить глазами по сторонам в поисках съестного, а поймав проходившую мимо медсестру, потребовал стандартный паёк и за один присест умял его, запивая тёплой водой из жестяной кружки.

Лежавший рядом боец, разбуженный аппетитными запахами еды, заворочался и повернулся ко мне.

— Цзян Лэй! — вырвалось у меня.

Это был Цзян Лэй. Вот паршивец, лежит со мной на соседних койках!

Цзян Лэй усмехнулся:

— Ого, старик Вэй! Очухался.

— Ах ты, малец. Ну как, сильно ранен? Выпей чего-нибудь горячего!

Я протянул ему чашку.

— Нормально. Только японский осколок голень прошил, да ухо взрывной волной порвало, чуть гнойный отит не начался. Лежу вот, под наблюдением.

Цзян Лэй взял из моих рук дымящуюся кружку и виновато улыбнулся.

— Не знаешь, куда майор делся? — спросил я.

— Его назначили оперативным офицером штаба 203-й дивизии, он заходил вчера. Видел, что ты спишь, и забрал свои вещи. Да, он говорил, что заглянет к нам через неделю-другую.

ответил Цзян Лэй.

— Понятно. А судьба остальных тебе не известна? Например, Цзян Е?

Все мы были бойцами, прошедшими через мясорубку, и это общее прошлое заставляло меня безумно переживать за тех, с кем плечом к плечу пришлось делить окопы.

— Понятия не имею. Майор и сам не знал, в какую именно роту попал Цзян Е.

Цзян Лэй вернул мне чашку.

Эх! Удастся ли нам ещё хоть раз встретиться с этими боевыми товарищами, с которыми мы так близко подошли к черте смерти?

— А ты не в курсе, как там уличные бои? Враг захватит город и всеми силами обрушится на нас, надо же прорываться на север! — мне хотелось узнать у Цзян Лэя хоть что-то о текущей обстановке.

— Наверное, уличные бои продолжаются. Прорыв? Понятия не имею.

Цзян Лэй почесал затылок.

— Всё наладится, самые тяжёлые дни мы уже пережили. Разве нет, старик Вэй?

Заметив, что я по-прежнему мрачнее тучи, попытался утешить меня Цзян Лэй.

— Старик Вэй, а ты ведь до войны был гражданским, да? Кем работал?

Сменил он тему.

— В библиотеке трудился, иногда помогал знакомым делать компьютерные дизайн-проекты. Призывался из самого города, резервист. Сначала помогал поддерживать порядок в тылу, потом попал на передовую вытаскивать раненых, а под конец нас самих заставили воевать. А ты? В какой части служил?

— Я в армии всего три месяца. Нынче должен был университет заканчивать по специальности связиста, стажировку уже проходил, даже сертификат сетевого инженера получил, и место работы подыскал. В вузе кинули клич добровольцам, я староста студсовета да кандидат в партию, вот и повёл всех за собой. Тьфу! До чего же паршивая война! Отступление, сплошное отступление всю дорогу, тащились хвостом за армией аж из самого Гуандуна.

вздыхнул Цзян Лэй.

— Но ведь мы стянули на юг два миллиона человек для участия в этой кампании! Как могло дойти до такого?

не удержался я от вопроса.

Это было то, чего я никак не мог взять в толк. После начала войны мы в кратчайшие сроки провели мобилизацию миллионов резервистов и согнали миллионную кадровую пехоту — да сколько же у противника снарядов уйдёт, чтобы просто перебить нас поодиночке?! К тому же уровень нашей боевой подготовки и технического оснащения в последние годы, как уверяли, был на высоте: мы стали второй страной в мире после американцев, обзаведясь собственными цифровыми армейскими корпусами. Как ни крути, подобного разгрома в одни ворота быть просто не должно.

— Война не может касаться одних только военных!

Сидевший передо мной раненый боец вдруг резко приподнялся на локтях и вклинился в разговор.

— Военные защищают мир, а мы служим обществу. Разве в этом есть ошибка?

Я никак не мог взять в толк его логику.

— Дружище, на словах всё верно, долг военного и впрямь защищать родину. Мы изо всех сил пытались догнать уровень развитых держав в модернизации армии, чтобы разрыв в военной мощи не скатился до отставания времён поздней династии Цин, где луки и стрелы противостояли канонеркам. И ведь до сих пор, кроме Штатов, ни одна страна в мире не способна победить нас в одиночку. Но ты же должен понимать очевидную вещь: мы всё ещё остаёмся развивающейся страной, где полно бедных регионов, отчаянно нуждающихся в развитии. Нам жизненно необходимо вкладывать гигантские средства в подъём экономики и культуры этих территорий. А это значит, что мы просто не могли тратить львиную долю государственного бюджета на армейские нужды, как в эпоху холодной войны шестидесятых-семидесятых годов прошлого века. И наша армия попросту не имела возможности удерживать первенство в военных технологиях и вооружениях во всех сферах наравне с Америкой или Японией. Разве перед лицом совместной агрессии двух главных мировых сверхдержав защита страны не становится священным долгом каждого гражданина?

Этот высокий и крепкий боец с перевязанной головой активно жестикулировал по ходу монолога. По его манере держаться и осанке было заметно, что он кадровый офицер: густые соболиные брови и глубокие складки на лбу придавали его лицу суровое выражение.

— Но раз война дошла до такой точки, в чём виноваты мы, простые обыватели? Нам что, подставлять головы под вражеские пули, когда они уже у порога? — не преминул вставить шпильку Цзян Лэй.

— Верно, мы не выполнили свой долг до конца. Ещё во время отступления из провинции Гуандун я насмотрелся в госпиталях на всяких паникёров в погонах, которые орали и заламывали руки из-за пустяковой царапины! И на тех дезертиров, что пошли под военный трибунал. Перед лицом миллионов уже павших китайцев у этих военных и впрямь не хватит совести смотреть людям в глаза. Но неужели война — это обязанность только одних военных? Ты же интеллигент, неужели не знаешь нашей истории, особенно новейшей?

В нашей многотысячелетней истории войн большинство победителей неизменно обретали поддержку народа. Конечно, бывали и исключения — вроде завоеваний монголов или маньчжуров. Но обращали ли вы внимание на общую черту потерпевших поражение в те эпохи? Вся нация погрязла в сытой беспечности! И в эпоху Сун, и при Мин экономика находилась на довольно высоком уровне, а военный потенциал ничуть не уступал соперникам, а порой даже превосходил их — это уж точно не было то самое безнадежное и жалкое положение, каким оно выглядит сейчас. Почему так происходило? Война Сопrotивления японским захватчикам, Освободительная война, да та же война в Корее — почему в итоге побеждали мы? Разве на нашей стороне было абсолютное превосходство в силе?

Раненый громила в упор посмотрел на нас обоих.

— Кроме дежурных поздравлений в День защитника Отечества, интересовался ли кто-нибудь из вас вообще развитием нашей обороны?

Я молчал.

<http://bllate.org/book/21115/2142671>